

К 55-летию Победы

"Войны без потерь не бывает..."

Великая Отечественная война все дальше уходит в историю, и все меньше остается в живых ее участников. Сегодня даже самым молодым из них уже за семьдесят. Вот и в Екатериновке остался всего-навсего один участник войны. Это Абдулхак Нуриевич Нуриев, 1925 года рождения. Он и его сверстники призвались в армию на переломном этапе войны, едва достигнув возраста 18 лет.

—Когда мне пришла повестка в армию,—вспоминает Абдулхак Нуриевич,—война уже принесла немало горя во многие семьи в нашей деревне. К тому же жилилось трудно, люди работали день и ночь, как тогда говорили, за палочку, часто голодали. Выручало только свое хозяйство. Все терпели, понимали, что война, что на фронте еще труднее...

Не ведал и не знал Абдулхак Нуриевич, куда занесет его военная судьбина. Как и сверстники, однако, рассчитывал, что пошлют на фронт громить фашистов. Но вышло так, что погрузили их в вагоны и повезли в противоположную от фронта сторону—на Дальний Восток. Приморье, Уссурийский край—вот места дислокации частей, где служил Абдулхак Нуриевич. Попал он в пехоту. Было такое подразделение, называемое нештатной разведкой. Вот в нем-то он и служил. Разведка есть разведка, доводилось и в тыл к японцам ходить, и другие задания выполнять. Расположения японских войск были на расстоянии видимости. Летом на оборонитель-

ных работах наши солдаты могли наблюдать даже их поезда, передвигающиеся в разных направлениях.

—В один из августовских дней 1945 года нас подняли по тревоге как на обычное учение,—вспоминает Абдулхак Нуриевич,—началась артподготовка. Только не учения это оказались, а боевые действия, в казармы мы не вернулись...

О японской войне принято нередко говорить как о каком-то военном походе, закончившемся весьма удачно. Но только между его началом и концом был период, пусть и короткий, по сравнению с годами войны с немецкими захватчиками, боев с очень хорошо подготовленной и обученной японской армией. К счастью, Абдулхак Нуриевич вышел из боев целым и невредимым. Но довелось сраженных вражеской пулей друзей хоронить, отправлять в госпиталь. Как он заметил, войны без потерь не бывает. Солдат прошел с боями такие крупные города, как Харбин, Мудазьян, ряд других городов и поселков.

Немало пришлось повидать Абдулхаку Нуриевичу, и места кругом были совсем незнакомые, и люди другие. Но все это и многому научило в жизни, а главное—ценить ее. Наверное, по-другому и быть не могло. Ведь только человек, прошедший через войну, все видит и воспринимает по-иному.

После окончания японской войны Абдулхак Нуриевич еще два года служил там же, на Дальнем Востоке, домой вернулся в 1947

году. В родной Екатериновке жить вроде бы стали получше, хлеб начали давать. До армии он работал в колхозе на разных работах, а вернувшись, решил попробовать свои силы в механизаторском деле. Учился на тракториста еще в старом Куйбышевском училище механизации. Вроде бы в целом все неплохо складывалось. Работал, женился, дети стали подрастать, дом построил. Но подвело здоровье, проработав на тракторе 12 лет, ушел в конюхи, сменил, так сказать, стального коня на обыкновенного. Так до самой пенсии и оставался конюхом.

Добротный дом Нуриевых стоит немного на отшибе, но места вокруг красивые: тут и речка недалеко, и просторные поля. Невольно подумалось, что хорошо здесь живется этой семье, особенно по деревенским меркам. Здесь и скотину держать можно, и птицу разводить, раздолье, одним словом.

Пятерых детей вырастил Абдулхак Нуриевич со своей женой—четыре сына и дочь. Два сына живут и работают на родной земле, тоже механизаторы, один сын в Болгаре, один в Казани, дочь в Куралове. Сегодня уже не так шумно и не так тесно в доме Нуриевых, как прежде. Правда, двор не опустел. И по сей день держат его хозяева корову, телку, овец, другую живность. Сами бы они теперь уже с таким хозяйством не справились. Главная опора—сын, что сегодня живет с ними, за ним все основные заботы. Абдулхак Нуриевич тоже без дела не сидит. В тот

день, когда я побывала у него, косил на огороде картофельную ботву. Подошло время картошку копать, а ботва огромная, зеленая. Вот и решил убрать ее, чтобы полегче копать.

—Вот покошу немного—пойду полежу,—говорит он,—можно бы и сына дожидаться. Да душа не терпит. Пока есть силы, на месте не сижу, привык уже, всю жизнь в трудах...

Ботва из-под его косы укладывалась в ровные валки. Всего картошки соток 30, а на полоске почти в половину огорода овес посеян. Абдулхак Нуриевич заметил, что сын освободится после жатвы, уберет этот участок на корм скотине. Я заинтересовалась, как ему, единственному участнику войны, оставшемуся в деревне, помогает хозяйство, обращался ли он к руководству с просьбами.

—Да нет, пока во всем обхожусь своими силами,—заметил ветеран.—Больше привык рассчитывать на себя.

...Солнце грело не по-осеннему жарко, хотелось уйти куда-нибудь в тень. Но Абдулхак Нуриевич, не обращая внимания на жару, продолжал косить. У него на сей счет другой взгляд: под солнцем ботва быстрее высохнет, легче будет убирать. Трудоспособности, крестьянской сметке этого человека нельзя было не позавидовать. Не сетуя на трудности, он просто изо дня в день живет так, как привык, как считает нужным. От души пожелала ему оставаться таким как можно дольше.

Н. Тимофеева.